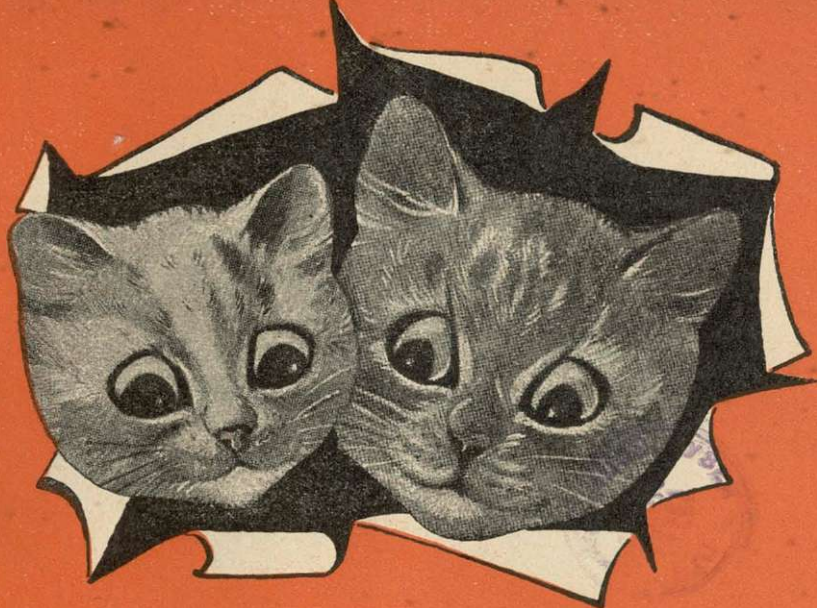

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

НОВАБРЬ.

№ 2.

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

О ЛИСИЦАХЪ.
ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.
ЧУЖОЕ ИМЯ (романъ).
МЕЧТЫ.
СОСѢДКА.
РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Постройки изъ старыхъ игральныхъ

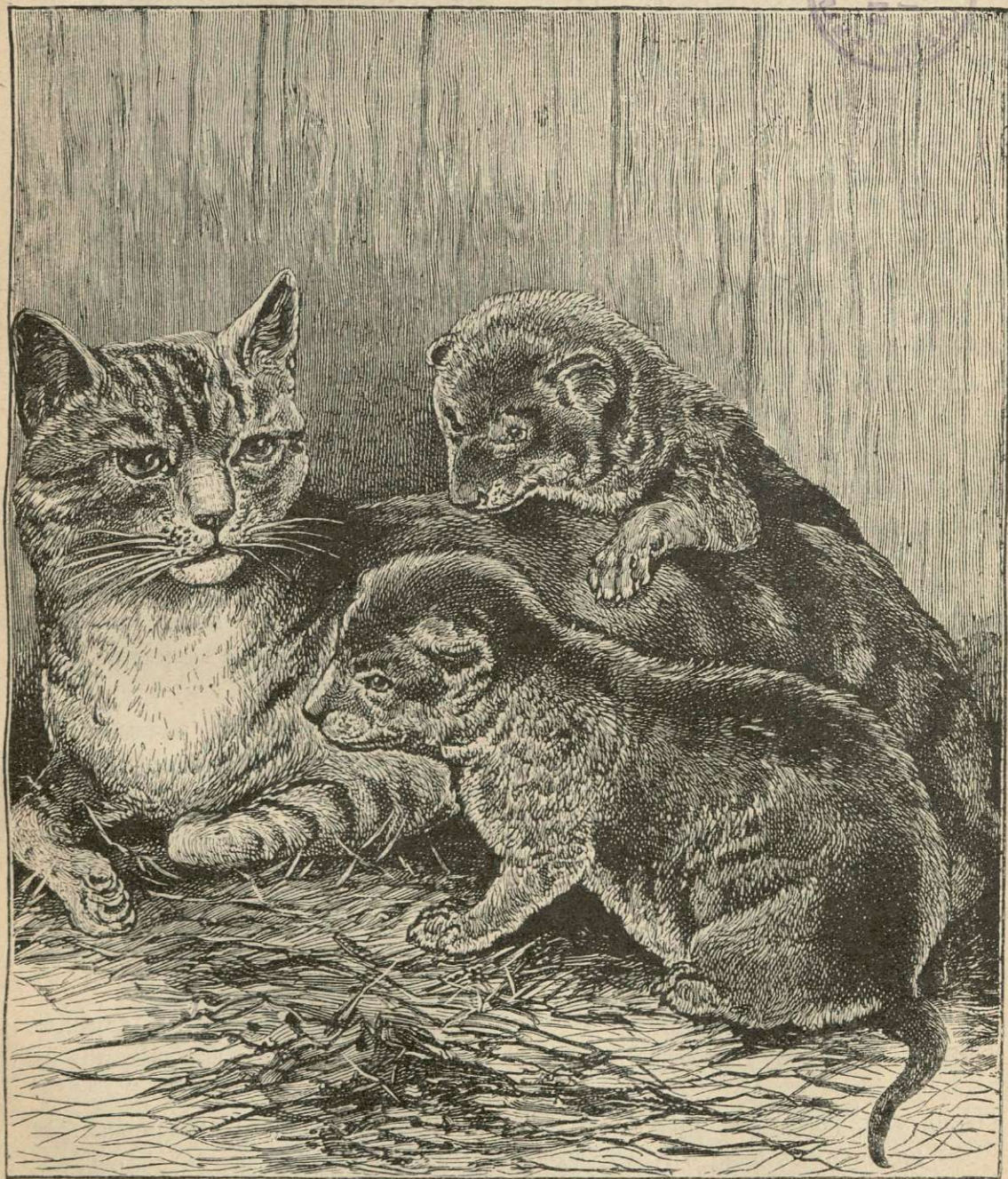
№ 2. Ноябрь. 1908.

Годъ изданія II-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Лисятки обрадовались новой матери.

О ЛИСИЦАХЪ.

Случилась большая неприятность: у кошки появилось четверо котятъ, дѣти обрадовались имъ, а буфетный дядька Григорій не зналъ, что можно ихъ оставить, и всѣхъ ихъ утопилъ въ ведрѣ съ помоями. Дѣти плакали, а встревоженная, лишившаяся дѣтенышей кошка ходила по всѣмъ комнатамъ и жалобно мурлыкала. Папа поругалъ Григорія, но дѣлать было нечего и всѣ скоро успокоились, но не успокоились одни только дѣти. Взявшись за руки, они пошли въ лѣсъ и только что вернулись за кустарникъ, какъ увидѣли въ травѣ двухъ маленькихъ, желтенькихъ щеночковъ. Они были еще очень слабы, еле стояли на ногахъ, но уже глядѣли мутными, только что прозрѣвшими глазами. Дѣти схватили ихъ и съ радостнымъ визгомъ побѣжали обратно въ усадьбу.

— Папа! Папа! закричали они. — Посмотри, какихъ мы нашли въ лѣсу щеняткокъ!

Папа подошелъ къ нимъ, взялъ у нихъ изъ рукъ щенковъ и оглядѣлъ ихъ со всѣхъ сторонъ.

— Это, дѣтки, не щенята... сказалъ онъ.—Это маленькія лисички!

— Лисички? воскликнули дѣти разомъ.—А гдѣ же у нихъ пушистые хвосты?

Папа еще разъ оглядѣлъ щенятъ.

— У маленькихъ лисицъ пушистыхъ

хвостовъ не бываетъ, сказалъ онъ.— Хвостъ дѣлается пушистымъ у лисицы уже тогда, когда она вырастаетъ. Но чѣмъ-же мы ихъ будемъ кормить?

— Какъ чѣмъ? удивились дѣти.— Мясомъ, молокомъ!.. Мы будемъ ихъ воспитывать, кормить... Онѣ выростутъ у насъ большія...

Папа взялъ обѣихъ лисичекъ къ себѣ за пазуху и пошелъ съ ними въ домъ.

— Пойдемте! сказалъ онъ дѣтямъ. Эти лисички—еще сосунки и безъ матери они едва-ли обойдутся. Онѣ сами еще не сумѣютъ ѣсть...

И войдя въ домъ, по которому все еще ходила печальная кошка и жалобно отыскивала своихъ котятъ, онъ подозвалъ ее къ себѣ, уложилъ ее въ лукошко съ сѣномъ и подпустилъ къ ней лисятъ.

Увидѣвъ маленькихъ животныхъ, кошка радостно замурлыкала и стала прижимать ихъ къ себѣ. Лисятки тоже обрадовались новой матери и тотчасъ-же принялись ее сосать.

Дѣти весело разсмѣялись.

— Ну, вотъ вамъ и новая семья! сказалъ имъ папа.

— Какіе славненькіе... сказала Лиза.—Только жаль, что похожи на мышовъ!

— Не на мышовъ, поправилъ ее Митя,—а на маленькихъ собачекъ...

Папа тоже усмѣхнулся и сѣлъ поодаль на диванѣ.

— Да, ты правъ, обратился онъ къ Митѣ. — Лисицы дѣйствительно принадлежатъ къ породѣ собакъ, а не грызуновъ. Онѣ иногда лаютъ совсѣмъ какъ домашнія собаки и въ общемъ ведутъ такую-же жизнь, какъ и онѣ. Только лисицы гораздо похитрѣе и умѣютъ приспособляться къ обстоятельствамъ лучше, чѣмъ волки и собаки. Такъ, онѣ могутъ селиться въ такихъ мѣстахъ, въ какихъ другіе хищники не нашли-бы себѣ подходящаго уголка. Я удивляюсь, какъ вы могли найти этихъ лисятъ. Въдѣ лисица выбираетъ мѣсто для своего логовища съ такой замѣчательной осторожностью, что его не сразу найдеть и самый опытный охотникъ. Къ тому-же и самое логовище ея состоитъ обыкновенно изъ норы, раздѣляющейся въ нѣсколько ходовъ, которые въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи снова соединяются вмѣстѣ и образуютъ одно большое помѣщеніе, въ которомъ лисица уже и выводитъ своихъ дѣтей. При этомъ она старается обыкновенно воспользоваться чьей-нибудь уже готовой норой, чаще всего норой барсука, и приспособляетъ ее къ своимъ вкусамъ. Когда же наступаетъ зима и, выпадаетъ много снѣгу, то лисица бросаетъ свою нору и, въ поискахъ за пищей, приближается къ жилью человѣка и здѣсь находитъ себѣ пріютъ гдѣ-нибудь въ кучѣ хвороста или между камней, приготовленныхъ

для постройки. Отсюда, съ поразительной хитростью, она дѣлаетъ набѣги на курятники и часто опустошаетъ весь птичій дворъ.

— Я читалъ, какъ лисица перехитрила волка, сказалъ вдругъ Митя.

— Да, лисицу вообще считаютъ хитрячкой, продолжалъ папа, — только сомнѣваюсь, чтобы она была хитрѣе, чѣмъ волкъ. Начать уже съ того, что тамъ, гдѣ встрѣчается волкъ, лисица попадаетъ довольно рѣдко, потому что волкъ не любитъ съ нею шутить; онъ попросту ее истребляетъ и если-бы она дѣйствительно была хитра, то не позволила-бы ему себя осилить. По моему мнѣнію, она одарена ничуть не болѣе другихъ животныхъ собачьей породы. Правда, лисица пускается иногда на отчаянныя штуки, въ особенности тогда, когда ей нужно добыть кормъ для своихъ дѣтенышей, но въ минуты опасности она положительно иной разъ теряется и не знаетъ, что ей дѣлать. Она легко и даже очень глупо попадаетъ въ самыя простыя, незамысловатыя ловушки; она близко подпускаетъ къ себѣ охотника и не старается убѣжать куда-нибудь въ другое мѣсто даже и тогда, когда кругомъ раздаются ружейные выстрѣлы. Помнишь, Лиза, мы какъ-то въ прошломъ году стрѣляли, когда лисица забралась къ намъ въ курятникъ? Она еще такъ перепугалась, что мы схватили ее живьемъ? Не помнишь?

Лиза подняла глаза кверху и долго старалась припомнить.

— Впрочемъ, ты кажется еще спала тогда... Это было на разсвѣтъ... продолжалъ папа. Лисица забралась къ намъ въ курятникъ ночью. Вообще она предпочитаетъ охотиться по ночамъ и только тогда, когда начинаютъ подростать у нея щенки, она выходитъ съ ними на охоту и днемъ, чтобы приучить ихъ къ добыванію пищи и къ хваткамъ. Въ холодное время года, и въ особенности зимой, лисица вѣроятно спитъ только по утрамъ, такъ какъ ее рѣдко находятъ въ ея норѣ до 10 часовъ утра и почти всегда съ десяти часовъ до полудня. Значитъ, всю ночь она бѣгаетъ на добычу. И чѣмъ зима холоднѣе, тѣмъ труднѣе для нея отыскать эту добычу и приходится часто бѣгать по цѣлымъ суткамъ, высуня языкъ и дрожа всѣмъ тѣломъ отъ стужи.

— Но вѣдь у нея же есть мѣхъ! воскликнулъ Митя.— Вотъ у бабушки лисья ротонда и бабушка говоритъ, что теплѣ лисьяго мѣха нѣтъ!

— Это вѣрно, отвѣтилъ папа,— но пока мѣхъ на лисѣ, она чувствуетъ себя вѣчно въ холодѣ, потому что ужасно зябка. Теплоту она любитъ еще больше, чѣмъ собака. Какъ только засвѣтитъ солнце, она ложится на упавшій стволъ дерева или на сухой камень и начинаетъ грѣться. При этомъ она сладко дремлетъ и храпитъ такъ громко, что пугаетъ своимъ храпомъ птицъ и зайцевъ, до которыхъ большая охотница. Такимъ образомъ выходитъ, что она сама-же просы-

паетъ свой обѣдъ. Впрочемъ, пищу лисицъ составляютъ не одни только птицы и зайцы. Она съ удовольствіемъ ѣстъ и насѣкомыхъ, напр. какихъ-нибудь жуковъ, и мышей; и при случаѣ даже можетъ стащить и теленка. Но главную и преимущественную ея пищу составляютъ мыши и яйца птицъ, гнѣздящихся на землѣ. Чтобы полакомиться яйцами плавающихъ птицъ, лисица съ успѣхомъ переплываетъ рѣки. Этого мало: она ѣстъ сливы, груши и виноградъ и любитъ лакомиться даже раками, выползшими изъ воды на берегъ. Забѣжавъ въ усадьбу и не найдя въ ней ничего, она схватываетъ гдѣ-нибудь въ мусорной ямѣ старый истрепавшійся кожаный башмакъ и съѣдаетъ и его. Были случаи, когда лисицы забирались въ рыбные садки и за одну ночь съѣдали въ нихъ цѣлыхъ осетровъ. Но какъ-бы ни была лисица голодна, она, поймавши какого-нибудь звѣрка, сначала поиграетъ съ нимъ и тяжело его помучитъ, а затѣмъ уже и съѣстъ. Но что удивительнѣе всего въ природѣ лисицы, такъ это то, что разъ она схватилась за какой-нибудь съѣдобный предметъ зубами, она уже не отступится отъ него никогда. Такъ, въ дни моей молодости, когда я былъ на охотѣ, лисица на моихъ глазахъ схватила раненаго зайца; но на нее напали собаки и она должна была бросить этого зайца и спасаться отъ нихъ бѣгствомъ. Но каково-же было мое удивленіе, когда, несмотря на всю

опасность, лисица эта все-таки вернулась къ оставленному ею зайцу опять и, снова схвативши его въ зубы, бросилась съ нимъ вмѣстѣ бѣжать. Ученый Либихъ рассказы-

прогнана и, наконецъ, пришла въ третій разъ, схватилась опять все за ту-же самую курицу, но тутъ ужъ ее поймали самоѣ и ей пришлось поплатиться жизнью.

Лисица.

ваетъ, что лисица явилась къ одному его знакомому на дворъ, загрызла тамъ курицу, но была во время замѣчена и прогнана вонъ. На другой день она явилась снова, снова была

— Значитъ, она плохо бѣгаетъ, спросилъ Митя, — что не могла спастись?

— Наоборотъ, отвѣтилъ папа. — Лисица бѣгаетъ отлично, она умѣетъ

подкрадываться ползкомъ, едва замѣтно скользнуть по землѣ, дѣлать громадные прыжки, о какихъ собакамъ даже и не снилось, и нестись съ такой быстротой, какая только возможна въ собачьей породѣ. Рѣдкія гончія ее могутъ догнать сразу: прежде чѣмъ имъ попасться на зубы, она еще долго убѣгаетъ отъ нихъ, стараясь ихъ утомить, и утомляетъ ихъ до того, что онѣ едва послѣ волочатъ ноги. Когда лисица идетъ, то ея хвостъ волочится по землѣ, когда же она бѣжитъ, то вытягиваетъ его въ струну: она никогда не задираетъ его наверхъ. Подкарауливая добычу, лисица ложится на брюхо и плотно прижимается къ землѣ. Лежить же, спитъ и сидитъ лисица въ такихъ же позахъ, какъ и дворовая собака. Но, въ отличіе отъ собаки, лисица умѣетъ лазать по деревьямъ, чего не умѣетъ дѣлать собака.

Въ это время молодые лисятки, насосавшись вдоволь кошкінаго молока, прикорнули къ ней и задремали, а кошка легла на бочокъ и стала пѣть имъ свою кошачью пѣсню. Одинъ изъ лисятъ вдругъ вздрогнулъ, вѣроятно ему что-нибудь приснилось, и жалобно заскулилъ.

— Слышишь, папа? сказала Лиза. — Точно собака!

— Да, отвѣтилъ папа, — у лисицы въ голосѣ много общаго съ собакой. Разница лишь въ томъ, что собака лаетъ въ любое время, а лисица только тогда, когда приближается буря или будетъ гроза. Вообще же

лисица не любитъ подавать своего голоса: въ гнѣвъ и въ страхъ она ворчитъ, въ морозъ жалобно воетъ и какъ-бы вы ее ни били, она не издастъ ни малѣйшаго звука. Развѣ только застонетъ она тогда, когда выстрѣломъ ей раздробятъ ногу или же пуля пронзитъ ей животъ.

— А что, лисицы дерутся между собой? спросилъ Митя.

— Нѣтъ, отвѣтилъ ему папа. — Изъ родичей лисы дерутся только волки и собаки и только потому, что живутъ стаями, сообща. Лисицы же стаями не живутъ вовсе и держатся только въ одиночку. Вотъ почему никто не видалъ, чтобы лисицы когда нибудь дрались. Изъ всѣхъ звѣрей лисица уживается только съ однимъ барсукомъ и то лишь потому, что не прочь воспользоваться подчасъ его норой.

— Бѣдная лисица! вздохнула Лиза. — Теперь она придетъ къ себѣ домой и не найдетъ уже тамъ этихъ лисятъ! Навѣрное, она будетъ горько плакать...

— О, не безпокойся! отвѣтилъ папа. — Меньше четырехъ дѣтенышей у лисицы не бываетъ, слѣдовательно, ей на радость въ норѣ у нея осталось еще двое. Вообще у нея бываетъ по семи дѣтенышей, а иногда даже и всѣ двѣнадцать. И надо полагать, что эти два лисенка воспользовались отсутствіемъ своей матери и вытѣзли изъ норы на свѣтъ Божій, а вы ихъ и подобрали.

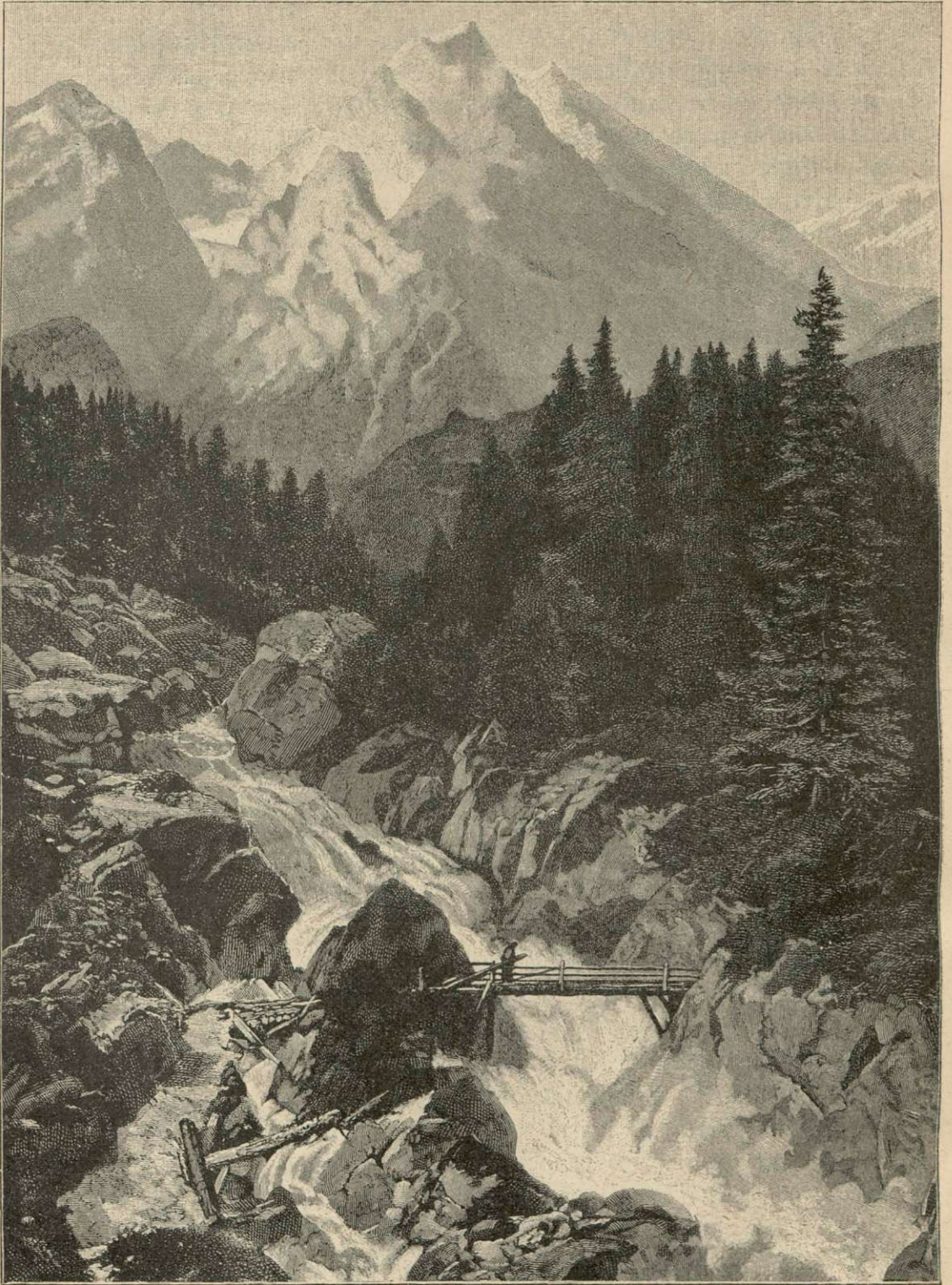
— Нѣтъ, папочка; тамъ норы вовсе не было! воскликнули дѣти.

— Да вы-бы ее и не замѣтили, если-бы даже и искали, отвѣтилъ папа. Лисица такъ мастерски замаскировываетъ свою нору разными прутьями и вѣтвями, что даже опытная собака пробѣгаетъ мимо. А тѣмъ болѣе, когда у лисицы есть дѣти! Очень возможно, что и эти два лисенка, вылѣзши изъ норы, не сумѣли найти дорогу обратно и попались вамъ въ руки. Вообще, когда у лисы появляются дѣтеныши, то она становится очень чуткой и осторожной. И стоитъ только показаться откуда-нибудь опасности, какъ она тотчасъ же бросаетъ свою нору, отыскиваетъ другую и перетаскиваетъ туда дѣтей въ зубахъ. И если въ одинъ изъ такихъ моментовъ ее застаютъ по пути новая опасность, то она бѣжитъ съ дѣтенышемъ въ зубахъ куда попало, прячетъ его гдѣ-нибудь въ кустахъ и старается спастись сама. А затѣмъ, когда уже опасность миновала, она возвращается къ лисенку обратно, снова беретъ его въ зубы и тащитъ его уже въ новую нору. Лисицы очень любятъ играть. Въ хорошіе дни, утромъ и вечеромъ, лисята выходятъ изъ норы, ложатся передъ входомъ и ожидаютъ возвращенія матери. Когда она долго не приходитъ, они начинаютъ тяфкать и скулить, а когда она возвращается, то они съ радостью бросаются къ ней и такъ и глядятъ, чего она имъ принесла? А мать обыкновенно приноситъ имъ что-нибудь живое: или мышъ, или зай-

ченка, или просто большого жука. Тогда всѣ они принимаются за такую живую игрушку и играютъ ею до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ нихъ ее нечаянно не съѣстъ. Въ концѣ іюля мать выводитъ лисятъ изъ норы совсѣмъ и поселяется съ ними въ хлѣбныхъ поляхъ. Здѣсь она учитъ ихъ охотиться на птичекъ, отыскивать ихъ яйца, прятаться и рыть норки, а затѣмъ, когда хлѣбъ начинаютъ жать, она переводитъ ихъ въ густыя заросли кустарника и тростника и учитъ ихъ отсюда дѣлать набѣги и воровать. Позднею осенью лисята покидаютъ мать и становятся уже взрослыми лисицами.

— А можно лисятъ сдѣлать ручными? спросила Лиза.

— Да еще какъ! отвѣтилъ папа.— Вотъ эти самые два лисенка, которыхъ вы подобрали въ лѣсу, если кошка не соскучится ихъ кормить, такъ къ вамъ въ послѣдствіи привяжутся, что будутъ слѣдовать за вами, какъ собаки. У натуралиста Ленца была ручная лисица, которая отличала своего хозяина отъ чужихъ на разстояніи 50 шаговъ. Но только помните, ребятки, какъ-бы ни была къ вамъ привязана лисица, она всегда васъ сумѣетъ укусить, если заболѣетъ водобоязною. Случалось, что заболѣвшія бѣшенствомъ лисицы прибѣгали въ деревню и искусывали тамъ всѣхъ попавшихся имъ на улицѣ дѣтей. А тогда ужъ будутъ шутки плохи. Придется васъ лечить прививками Пастера.

Горный потокъ въ Швейцаріи близъ Берна.

ВЪЗРАЖЕНІЕ
ТЕКА
ВЪЗРАЖЕНІЕ

Барыня изволятъ отправляться съ визитами.

— А сами лисицы отъ бѣшенства умирають? спросилъ Митя и сдѣлалъ отъ страха большіе глаза.

— Конечно, отвѣтилъ папа.—Для собачей породы бѣшенство безусловно смертельно. Вообще-же лисицы довольно живучи: такъ извѣстны случаи, когда лисицы, которыхъ считали мертвыми, вдругъ вскакивали и убѣгали. Ученый Чуди рассказываетъ случай, который ему пришлось однажды наблюдать въ горахъ. На моихъ глазахъ, говоритъ онъ, въ горахъ пробѣжала лисица; налетѣвшій орелъ съ быстротою молніи подхватилъ ее на воздухъ и, широко взмахнувъ крыльями, полетѣлъ съ нею къ себѣ въ гнѣздо, чтобы угостить ею своихъ птенцовъ. Онъ поднялъ ее на необычайную высоту и вдругъ повалился вмѣстѣ съ нею на землю, громко ударившись всѣмъ тѣломъ. Я подбѣжалъ къ нему и увидалъ слѣдующее: у орла была разгрызена грудь, онъ былъ мертвъ, и около него тутъ-же валялась тоже мертвая лисица. Было ясно, что когда онъ взлетѣлъ на воздухъ, то ей удалось вытянуть шею и схватить своего врага зубами за грудь. Но каково-же было мое удивленіе, когда пять минутъ спустя, лисица вдругъ вскочила на ноги, встряхнулась и весело побѣжала прочь. И это послѣ того, какъ она побывала въ когтяхъ у орла и всею своею тяжестью ударила потомъ о землю. Всякое другое животное на ея мѣстѣ, упавши съ такой высоты,

разбилось-бы на смерть, но лисица какимъ-то чудомъ уцѣлѣла. Извѣстенъ и другой случай о геройствѣ лисицы. Такъ, естествоиспытатель Винкель перебилъ одной лисицѣ переднюю ногу; во время бѣга эта раненая нога мѣшала ей бѣжать. Тогда она остановилась на минуту, отгрызла ее прочь и затѣмъ побѣжала на трехъ ногахъ, съ такимъ видомъ, какъ будто-бы съ нею ничего и не случилось.

Въ это время лисята проснулись и снова стали сосать свою пріемную мать. Кошка облизывала ихъ, по ея рожицѣ было видно, что она была довольна. Дѣти нагнулись надъ ней и стали ее гладить и ласкать лисятъ, а папа поднялся съ дивана и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Это будетъ мой!.. сказалъ Митя, и указалъ на лисенка, который въ это время силится взобраться на свою пріемную мать.

— А это мой... указала Лиза на другого.—Знаешь, что, Митя? Когда они вырастутъ большіе, то будутъ содержать эту кошку и будутъ защищать ее отъ мышовъ! Они будутъ ходить на службу, какъ нашъ дядя Костя, и будутъ получать жалованье и отдавать его кошкѣ.

— Мой будетъ кошачьимъ докторомъ, продолжалъ Митя.

— А мой кошачьимъ инженеромъ. Оба разсмѣялись отъ радостной мысли о томъ, какими будутъ впоследствии эти жалкіе лисята, и продолжали ихъ гладить и мечтать.

С. Вершининъ.

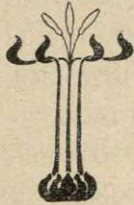
ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Давай животнымъ вдоволь пищи,
Люби людей, труды ихъ чти,
Держи въ опрятности жилище
И въ день хоть что-нибудь прочти.

Сказать пріятное старайся
Кому-нибудь о чемъ-нибудь,
Почаще съ мыломъ умывайся
И зубы чистить не забудь.

Гуляй во всякую погоду,
Побольше бѣгай, не кури,
Отнюдь не пей сырую воду
И только правду говори.

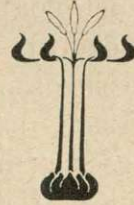
Ку-ку.

ЧУЖОЕ ИМЯ.

Романъ ¹⁾.

(Продолженіе).

Ш.

Прошло еще тринадцать лѣтъ.
Въ одной изъ узенькихъ, мрачныхъ улицъ Лондона, почти на берегу рѣки Темзы, стоялъ двухъ-этажный домъ съ параднымъ крыльцомъ на улицу. Въ верхнемъ этажѣ этого дома помѣщалась квартира владѣльца этого дома, въ нижнемъ—его виноторговля, а въ подвѣльномъ—старинные подвалы, гдѣ хранилось въ бочкахъ и въ бутылкахъ старое вино, которымъ торговали въ нижнемъ этажѣ. Надъ крыльцомъ этого дома висѣла громадная вывѣска, на которой были начертаны слѣдующія слова: «Вино-

торговля Генри Тернера». Это былъ почтенный торговый домъ, въ которомъ покупали вино жители почти всего Лондона, хотѣвшіе имѣть настоящее натуральное вино безъ поддѣлокъ и вообще понимавшіе толкъ въ винахъ.

Въ конторѣ, помѣщавшейся позади виноторговли, сидѣлъ самъ Генри Тернеръ. Передъ нимъ стоялъ его главный надсмотрщикъ надъ погребами Джой Ладль, неуклюжій и тяжеловѣсный, какъ ломовой конь, въ затасканномъ сюртукѣ и въ фартукѣ изъ чего-то средняго между шкурой носорога и половикомъ.

¹⁾ Собственность «Золотого Дѣтства».

— Ну-съ, Джой, весело воскликнулъ Генри Тернеръ, — у насъ, кажется, теперь все въ порядкѣ?

— Все въ порядкѣ, отвѣтилъ Джой Ладль.

— Всѣ счета оплачены?

— Всѣ счета оплачены.

— И всѣ дѣла моей дорогой покойной матушки покончены?

— Покончены.

— Теперь намъ нужно нанять экономку, такъ какъ безъ матушки некому вести хозяйство, и пригласить компаніона, такъ какъ одному мнѣ справиться со всѣмъ нашимъ виннымъ дѣломъ не подь силу. Онъ долженъ мнѣ помогать и быть какъ бы вторымъ хозяиномъ. Я поручилъ вамъ вчера, Джой, напечатать въ газетахъ объявленіе, что я ищу экономку и компаніона. Сдѣлали вы это?

— Компаніонъ уже найденъ, отвѣтилъ Джой.

— А экономка?

— Вѣроятно, тоже придетъ сегодня. Только никакая экономка, г. Тернеръ, не замѣнитъ собою вашей покойной матушки!

Генри Тернеръ вздохнулъ и глаза его подернулись слезами.

— Упомянутое о покойной матушкѣ, сказалъ онъ, — все еще разстраиваетъ меня. Вы знаете, Джой, какъ я любилъ ее и какъ она любила меня. Съ той поры, какъ она взяла меня изъ Воспитательнаго дома, мы не знали ни одной минуты разлада. Въ теченіи тринадцати лѣтъ! Вѣдь

вы знаете все это, Джой! Кому-же и знать, какъ не вамъ!

Генри Тернеръ заплакалъ и насколько не старался сдерживать своихъ слезъ.

— Я былъ всѣми брошенный сирота въ Воспитательномъ Домѣ, продолжалъ онъ, — и вдругъ ко мнѣ тогда, въ столовой, явилась моя матушка; она отдернула вуаль, покрывавшую ее лицо, и сказала: — «Я твоя мать, Генри... Я разбогатѣла и теперь могу взять тебя къ себѣ!» И я узналъ тогда, кого именно я долженъ былъ чтить, и каждую минуту относился къ ней съ уваженіемъ и съ любовью. На свои деньги, которыя она заработала своимъ тяжкимъ трудомъ, она купила вотъ этотъ самый домъ и эту виноторговлю вмѣстѣ съ вами, Джой, и подарила все это мнѣ. И теперь ее уже нѣтъ!

— Весьма прискорбно, сказала Джой, — но такова ужъ общая доля, г-нъ Тернеръ. Рано или поздно всѣхъ насъ не будетъ!

— А теперь, Джой, продолжалъ Тернеръ, откладывая въ сторону свой носовой платокъ, — въ память моей матушки, я хочу позаботиться о всѣхъ моихъ служащихъ и быть для нихъ тѣмъ, чѣмъ была для меня моя милая, незабвенная матушка. Я хочу жить только для моихъ прикащиковъ, я хочу быть отцомъ всѣхъ моихъ служащихъ, начиная отъ дворника и кончая вами, Джой. Я хочу ѣсть съ ними отъ одного мяса и отъ

одного хлѣба, пить одно съ ними пиво! Я хочу, чтобы всѣ мои помощники и работники жили вотъ здѣсь, въ этомъ самомъ домѣ, подъ одною со мною кровлей. Такъ, чтобы мы всѣ вмѣстѣ... Извините меня, Джой, но у меня опять зашумѣло въ ушахъ и я долженъ просить васъ побезпокоиться отвести меня подъ кранъ.

Встревоженный чрезвычайно краснотой своего хозяина, Джой Ладль, не теряя ни минуты, вывелъ его во дворъ и подставилъ его голову подъ кранъ. Отвернувъ затѣмъ кранъ, онъ вылилъ на него такую массу воды, что она затекла Генри Тернеру даже за спину. Сдѣлавъ нѣсколько глотковъ, Генри Тернеръ почувствовалъ себя лучше.

— Не давайте воли чувствамъ... сказалъ ему Джой Ладль.—Вы только разстраиваете себя.

— Нѣтъ, больше не буду... отвѣтилъ Тернеръ и невѣрною походкой побрелъ обратно къ себѣ въ контору.

Здѣсь онъ досталъ изъ шкафа полотенце, утерся имъ и причесался.

— Такъ на чемъ я остановился, Джой? спросилъ онъ потомъ.

— Да полно вамъ, г. Тернеръ! Довольно! Вы и такъ больной человекъ! А то съ вами опять сдѣлается дурно!

— Ничего, ничего... Я буду остороженъ... Такъ на чемъ я остановился?

— На мясѣ, хлѣбѣ и пивѣ... не хотя отвѣтилъ Джой Ладль.

— Да! Мы будемъ жить всѣ вмѣстѣ..., продолжалъ Генри Тернеръ.—Мы со-

ставимъ одну семью. Съ тѣхъ поръ, какъ я потерялъ мою милую, дорогую матушку...

— Не сходить-ли вамъ, г. Тернеръ, еще разъ подъ кранъ? перебилъ его Джой Ладль.

— Нѣтъ, благодарю васъ, Джой, отвѣтилъ Тернеръ и продолжалъ:— Въ Воспитательномъ домѣ я очень хорошо пѣлъ на клиросѣ, такъ что мнѣ было даже поручено учить пѣнію и другихъ мальчиковъ. Я знаю хорошіе гимны и хоровые напѣвы наизусть. Отчего бы намъ не разучить ихъ всѣмъ вмѣстѣ? Мы составимъ хоръ въ какой-нибудь скромненькой церкви, неподалеку отсюда, и напѣвшись въ ней вдоволь за обѣдней въ воскресенье, придемъ всѣ вмѣстѣ домой за вкусный и веселый обѣдъ, который приготовитъ для насъ наша будущая экономка...

— Только простите, г. Тернеръ, перебилъ хозяина Джой Ладль—обѣдать-то я буду съ удовольствіемъ, а только вотъ пѣть—слуга покорный, не могу.

— Почему-же? удивился Генри Тернеръ.

Джой Ладль почесалъ у себя за ухомъ.

— Да потому, г. Тернеръ, отвѣтилъ онъ,—что я сорокъ пять лѣтъ провелъ въ винныхъ подвалахъ, въ сырости и въ духотѣ, не видя дневного свѣта.

— Такъ что-же изъ этого?

— А то, что стоитъ только мнѣ теперь открыть ротъ и запѣть, какъ

всѣ подумаютъ, что изъ звѣринца убѣжалъ бегемотъ и заревѣлъ, и пожалуй еще посадятъ меня на цѣпь. Нѣтъ ужъ увольте! Я всю свою жизнь провель съ бочками, да съ бутылками, такъ куда ужъ тутъ думать о такихъ тонкихъ штукахъ, какъ хоровое пѣніе? Внѣ погребовъ я негоденъ ни на что!

Генри Тернеръ вздохнулъ.

— Очень жаль, Джой, сказалъ онъ. — А я было надѣялся, что вы примете участіе въ нашемъ домашнемъ хорѣ.

Джой Ладль помялся, ничего не сказалъ и отправился къ себѣ въ подвалъ, а Генри Тернеръ положилъ голову на локти и долго о чемъ-то думалъ.

IV.

На слѣдующее утро Генри Тернеръ сидѣлъ у себя въ столовой и готовился принять новую экономку.

Былъ ясный день. Свѣтъ и теплота проникали въ открытыя окна и обильно изливались на золотую раму портрета, висѣвшаго надъ каминомъ. На этомъ портретѣ была изображена дама, очень похожая на ту, которая приходила когда-то въ Воспитательный домъ подъ темной вуалью.

— Это моя матушка, когда ей было двадцать пять лѣтъ! сказалъ самъ себѣ Генри Тернеръ, восторженно поглядѣвъ на портретъ.

А затѣмъ, когда солнце перешло съ портрета на другія вещи, онъ сѣлъ за столъ и сталъ ожидать.

Черезъ четверть часа пришелъ прикащикъ и доложилъ, что экономка пришла и что зовутъ ее Сарра Гольдстрау.

— Проси, проси! сказалъ Тернеръ и почему-то заволновался. Онъ совершенно не умѣлъ нанимать прислугу.

Въ столовую вошла миловидная женщина лѣтъ пятидесяти, но совершенно еще моложавая. Одѣта она была просто, но изысканно и чисто, и отъ всей ея фигуры вѣяло какой-то правдой и безграничной добротой.

— Я Сарра Гольдстрау, сказала она входя, — я вдова, мой мужъ умеръ девять лѣтъ тому назадъ отъ горя.

— Садитесь! сказалъ ей Генри Тернеръ. — Мнѣ нужно задать вамъ нѣсколько вопросовъ.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣтила Сарра Гольдстрау и стала просто и искренно отвѣчать на его вопросы. Ея голосъ такъ пріятно звучалъ въ ушахъ у Тернера, что онъ рѣшилъ много вопросовъ ей не задавать, а нанять ее безъ дальнихъ разсужденій. Когда онъ поднялъ глаза, то увидалъ, что взглялъ Сарры Гольдстрау остановился на портретѣ его матери.

— Вы мнѣ кого-то напоминаете, обратился къ ней Тернеръ, — точно когда-то мы были съ вами знакомы. Я не могу себѣ дать яснаго отчета, гдѣ именно я васъ встрѣчалъ, но вы мнѣ напоминаете кого-то близкаго и родного.

Она снова посмотрѣла на портретъ, а потомъ улыбнулась и сказала:—

— Очень рада, сударь...

А затѣмъ, точно испугавшись чего-то, она вздрогнула и покраснѣла.

— А какъ у васъ насчетъ стола, сударь? постаралась она перемѣнить разговоръ.—Сколько особъ обѣдаютъ у васъ обыкновенно?

— Пока насъ будетъ всего только двое, отвѣтилъ Тернеръ,—я и мой будущій компаньонъ, который скоро поселится у меня и котораго я еще не знаю. Но когда исполнится одинъ мой завѣтный планъ, то мы будемъ обѣдать всѣ вмѣстѣ, т. е. компаньонъ, я и всѣ мои служащіе, за однимъ столомъ. Какъ видите вамъ дѣла будетъ много.

— А какъ насчетъ завтрака, сударь?

Она снова поглядѣла на портретъ.

— Я завтракаю въ восемь часовъ утра, отвѣтилъ Тернеръ,—и прошу васъ подавать мнѣ только свѣже-снесенныя яйца.

— Только свѣже-снесенныя яйца... повторила Сарра Гольдстрау и въ четвертый разъ поглядѣла на портретъ.

— Затѣмъ я пью чай... продолжалъ Генри Тернеръ и глаза его все пристальнѣе и пристальнѣе устремлялись на лицо экономки.—Господи, г-жа Гольдстрау! Да что-же это такое въ вашемъ голосѣ и въ вашихъ манерахъ такъ знакомо мнѣ?

— Что-же это можетъ быть? спросила въ свою очередь г-жа Гольдстрау.

Она произнесла эти слова, очевидно думая о чемъ-то иномъ и все еще глядя на портретъ.

— Это моя матушка, когда ей было 25 лѣтъ, сказала Тернеръ.

— Слушаю, сударь... отвѣтила г-жа Гольдстрау.

— А теперь, обратился къ ней Тернеръ,—позвольте мнѣ задать вамъ еще одинъ вопросъ: гдѣ вы служили раньше?

— Девять лѣтъ, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ скончался мой мужъ отъ горя, отвѣтила г-жа Гольдстрау,—я служила въ экономкахъ у одной дамы. А раньше этого я много лѣтъ служила въ Воспитательномъ Домѣ.

— Ну, вотъ наконецъ-то! воскликнулъ Тернеръ, съ шумомъ отодвигая кресло!—Теперь я начинаю вспоминать, кто вы!

Она взглянула на него съ удивленіемъ.

— Значитъ, и вы, сударь, сказала она,—тоже были въ Воспитательномъ Домѣ?

— Конечно, отвѣтилъ Тернеръ,—и я нисколько не стыжусь въ этомъ сознаться.

— А какъ васъ называли, сударь, въ Воспитательномъ Домѣ?

— Такъ-же, какъ и теперь: Генри Тернеръ.

— А эта дама?

И она указала ему на портретъ, бросивъ на него на этотъ разъ уже положительно тревожный взглядъ.

— Это моя мать, отвѣтилъ Тернеръ.

— Она взяла васъ изъ Воспитательнаго Дома?

— Да.

Олень.

1. Не прошло дня, чтобы Plum чего-нибудь не стащить.

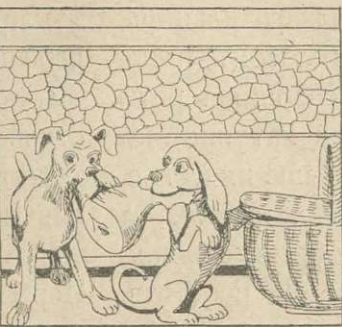
2. У Плума был друг Фукус, с которым он оговорился обокрасть одну почтенную даму, Кисловзвздову, —

3. которая важно шествовала с провизией с базара к себе домой.

4. Г-жа Кисловзвздова встретила по дороге свою подругу и разговорилась с ней. Plum воспользовался этим, утащил у нее окорок ветчины и —

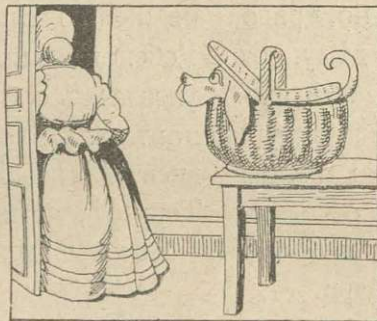
5. передал его Фукусу.

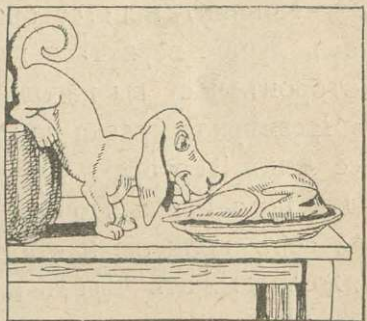
6. а сама залез в корзинку к г-же Кисловзвздовой.

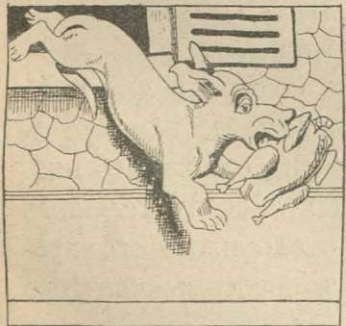
7. Г-жа Кисловзвздова принесла его к себе домой и поставила в кухне на стол,

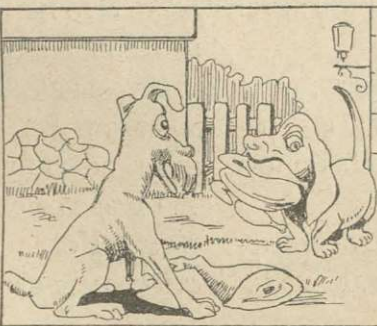
8. а сама, ничего не подозревая, вышла в соседнюю комнату.

9. Plum воспользовался этим, вылез из корзинки и схватил лежащую на столе курицу.

10. Он выскочил с ней в окно.

11. и понес ее к своему другу Фукусу.

12. Возвратившаяся в кухню г-жа Кисловзвздова не нашла ни ветчины, ни курицы, и обратила свой гнев против виноватого.

— А позвольте узнать, сколько вамъ было тогда лѣтъ?

— Двѣнадцать.

Рука г-жи Гольдструау, лежавшая на столѣ, беспомощно упала къ ней на колѣни. Она сама поблѣднѣла и была крайне смущена.

— Что съ вами? спросилъ ее Тернеръ.

— Я та самая надзирательница, сказала упавшимъ голосомъ г-жа Гольдструау, которая сообщила вотъ этой дамѣ, т. е. вашей матушкѣ, въ тотъ осенній вечеръ, ваше имя, т. е. какъ васъ зовутъ... Я—Джемми, та самая Джемми, которая не должна была бы этого дѣлать. Да проститъ меня Богъ!

— Почему-же «да проститъ меня Богъ»?

— Извините меня, сударь, но, право, намъ лучше вернуться къ дѣлу. Въ которомъ часу вы изволите обѣдать?

Чрезмѣрная краска покрыла вдругъ все лицо Тернера и ему захотѣлось идти подъ кранъ. Но онъ пересилилъ въ себѣ волненіе и сталъ скоро и тяжело дышать черезъ ноздри.

— Вы что-то скрываете отъ меня, г-жа Гольдструау, сказалъ онъ.

— Въ которомъ часу вы обѣдаете? настаивала экономка.

— Не знаю и не хочу знать, пока вы не скажете мнѣ, почему вы раскаиваетесь въ томъ, что сообщили моей матушкѣ мое имя?

Г-жа Гольдструау нахмурилась, глубоко вздохнула и затеребила пальцами платокъ.

— Вы настаиваете, чтобы я вамъ сказала, сударь? спросила она упавшимъ голосомъ.

— Да, настаиваю!.. отвѣчалъ Тернеръ.

— Въ такомъ случаѣ извольте. Когда я сказала этой бѣдной дамѣ, портретъ которой виситъ здѣсь у васъ надъ каминомъ, имя, которымъ, окрестили въ Воспитательномъ Домѣ ея ребенка, то я и не подозрѣвала, какія могутъ выйти изъ этого послѣдствія. На другой-же день въ Воспитательный Домъ пріѣхала одна знатная дама и изъявила желаніе усыновить одного изъ нашихъ питомцевъ. Пересмотрѣвъ множество дѣтей, она вдругъ остановилась на одномъ изъ нихъ. Постарайтесь, сударь, выслушать меня спокойно, не волнуясь. Я не желаю скрывать отъ васъ правду. Ребенокъ, котораго знатная дама увезла съ собою, былъ именно ребенкомъ этой дамы, портретъ которой виситъ здѣсь. Именно онъ былъ Генри Тернеръ, а не вы...

Тернеръ вскочилъ на ноги.

— Быть не можетъ! воскликнулъ онъ.—Что за нелѣпую исторію вы мнѣ рассказываете?

— Это не нелѣпая исторія, сударь, продолжала экономка,—а самая дѣйствительная. Но позвольте мнѣ продолжать. Въ тотъ-же день вечеромъ намъ подкинули еще одного ребенка. Я была все еще въ Воспитательномъ Домѣ. Когда понадобилось его крестить и пасторъ спросилъ, какъ его назвать, то одинъ изъ директоровъ

заглянулъ въ списки и замѣтилъ, что имя ребенка, взятаго знатной дамой на воспитаніе, т. е. имя Генри Тернера, было вычеркнуто.—«Вотъ вамъ готовое имя!» сказалъ онъ.—«Дайте его вновь принятому!» Такимъ образомъ новому пріемышу было дано имя Генри Тернера. Этотъ пріемышь были вы, сударь.

Голова виноторговца упала нагрудь.

— Я былъ этотъ пріемышь! воскликнулъ онъ.—Какъ это ужасно!..

— И когда эта несчастная дама, продолжала г-жа Гольдстрау, указавъ на портретъ, взяла васъ изъ Воспитательнаго Дома двѣнадцать лѣтъ спустя, то она и вы, сударь, были жертвами страшнаго недоразумѣнія.

Генри Тернеръ упалъ въ кресло.

— Голова моя! Голова! воскликнулъ онъ.—Комната кружится!

Экономка встала въ тревогѣ и открыла окно. Затѣмъ она переждала, когда онъ успокоился, и продолжала:—

— Я тогда же вышла замужъ и оставила Воспитательный домъ. Мы жили съ мужемъ очень счастливо и если-бъ не случилось одного событія, которое свело его въ могилу, то я никогда не пошла-бы въ экономки. Долгое время у насъ не было дѣтей. Но Господь сжалился надъ нами и только десять лѣтъ тому назадъ послалъ намъ дѣвочку. Это было дитя, скорѣе похожее на ангела, чѣмъ на человѣка, и мы дорожили ею, какъ святыней. Но нашему счастью не суждено было продолжаться долго. Мы

отправились съ нею путешествовать въ Швейцарію и здѣсь, когда мы проѣзжали черезъ Сень-Готардтскій проходъ, на насъ свалилась снѣжная лавина и вмѣстѣ съ нею мы всѣ трое упали въ ущелье. Подъ снѣгомъ мы уже лишились чувствъ, когда къ намъ явились съ собаками добрые монахи изъ монастыря св. Бернара и откопали насъ. Я и мужъ мой были еще живы, скоро пришли въ себя и были перенесены на носилкахъ въ монастырь. Что-же касается нашей дочери, то мы нигдѣ ея не могли найти и такъ она и погибла подъ снѣгами. Были употреблены въ дѣло всѣ монастырскія собаки, но они не могли отыскать ребенка: монахи раскапывали лопатами снѣгъ цѣлые два дня, но наша дѣвочка погибла безслѣдно. Это такъ повліяло на меня, что я чуть не сошла съ ума, а мой мужъ вскорѣ-же умеръ отъ горя.

— Какой ужасъ! воскликнулъ Генри Тернеръ.—И съ тѣхъ поръ вы ничего о ней не слыхали?

— Ни единого слова, сударь, отвѣчала Джемми.—Но позвольте мнѣ горить не о себѣ, а о васъ. Когда я вышла замужъ и оставила Воспитательный домъ, то мое мѣсто заступила другая надзирательница, та самая, которая обратила вниманіе директора на то, что имя Генри Тернера было свободно. И когда двѣнадцать лѣтъ спустя, пришла туда вотъ эта дама, которая нарисована на этомъ портретѣ, чтобы взять отсюда своего сына, то меня уже не

было тамъ и никто не могъ объяснить ей эту ужасную тайну. А теперь, сударь, простите. Мнѣ не слѣдовало-бы приходить къ вамъ наниматься въ экономки, но портретъ этой дамы и то, что вы узнали меня, такъ подѣйствовали на меня, что я проболталась. Прошу васъ извинить меня и— до свиданья!

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ Тернеръ.— Именно теперь-то вы и должны остаться со мною! Я хочу подтвердить ваши слова, впрочемъ, виновать, я и такъ вамъ вѣрю. Извините меня, я все еще никакъ не могу придти въ себя отъ этого страшнаго открытія! Я такъ былъ искренно убѣжденъ въ томъ, что я ея сынъ. Она скончалась у меня на рукахъ, благословляя меня такъ, какъ только родная мать могла бы благословить меня. И теперь вдругъ открывается, что она вовсе не была мнѣ матерью! О, Боже мой, Боже! Она оставила мнѣ все, что у нея было нажито ея тяжкимъ трудомъ, въ полной увѣренности, что я ея сынъ. А я ей не сынъ! Я занялъ мѣсто и присвоилъ себѣ имущество другого человѣка! Онъ долженъ быть найденъ. И я найду его! Кто была та знатная дама, которая усыновила его? Вы вѣроятно слышали, какъ ее звали?

— Никогда не слыхала, сударь.

— Можетъ быть, она чтонибудь тогда говорила? Припомните хорошенько?

— Надзирательница передавала мнѣ, что она сказала такъ: «о здо-

ровѣ ребенка не беспокойтесь, такъ какъ я отвезу его въ Швейцарію!»

— Въ Швейцарію? Въ какую часть Швейцаріи?

— Не знаю.

— Что-же мнѣ теперь дѣлать?

— Простите, сударь, но я действительно не понимаю, чего ради вы такъ волнуетесь? Его можетъ быть даже и нѣтъ въ живыхъ. А если онъ и живъ, то вовсе не бѣдствуетъ, такъ какъ знатная дама казалась съ виду очень богатой. Живите себѣ по-прежнему и пусть благословитъ васъ Богъ!

Генри Тернеръ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Нѣтъ, я долженъ его найти! крикнулъ онъ.— Это необходимо для моего же личнаго успокоенія, такъ какъ я вовсе не желаю присвоивать себѣ этотъ домъ и эту виноторговлю. Довольно съ меня и того, что я пользовался ласками его доброй матери. А теперь—оставьте меня, г-жа Гольдстрау. Вы остаетесь у меня на службѣ и съ нынѣшняго дня завѣдуете всѣмъ моимъ хозяйствомъ. Дайте вашу руку и распорядитесь теперь сами, какъ знаете: завтракъ—такъ завтракъ, обѣдъ—такъ обѣдъ, я теперь ничего не могу сообразить и пойду сейчасъ подъ кранъ.

Въ эту минуту дверь въ столовую отворилась и въ ней показался новый компаньонъ въ сопровожденіи прикащика и какой-то миловидной дѣвочки лѣтъ десяти.

— Господинъ Джоржъ Ваграмъ! доложилъ о немъ прикащикъ и одновременно съ этимъ протянулъ своему хозяину письмо. На письмѣ была швейцарская марка.

— Ахъ, очень пріятно... залепеталъ Генри Тернеръ и краска снова залила его лицо.—Прощу садиться!.. Видите-ли, здѣсь маленькая стран-

ность... Письмо изъ Швейцаріи и... и вотъ эта экономка...

И къ удивленію компаньона, онъ не выдержалъ и со всѣхъ ногъ бросился изъ столовой на дворъ. Здѣсь онъ подставилъ голову подъ кранъ и сталъ лить себѣ на голову воду, и лить еѣ безъ конца.

(Продолженіе будетъ).

М Е Ч Т Ы.

Стоитъ осенняя пора,
Льетъ дождь, ползуть по небу кло-
чья,
Проснешься въ шесть часовъ утра,
А кажется, какъ будто ночью...
И видишь—няня со свѣчей
Сидитъ, поднявшись спозаранку,
И въ полутъмѣ, своей иглой
Заплатку ставитъ наизнанку.
И такъ захочется вдругъ въ садъ,
Такъ и помчался-бы съ разбѣгу!
Но... лужи тамъ теперь стоятъ
И кучки выпавшаго снѣгу.
Ну, вотъ куда теперь пойдешь?
А дни такъ тянутся уныло
И только тѣмъ лишь и живешь,
Что вспоминаешь то, что было.

Съ полудня—ночь... Такъ много тьмы,
Такъ утромъ поздно разсвѣтаетъ!
И, какъ нарочно, нѣтъ зимы:
Снѣгъ выпадетъ и снова таетъ.
Что день,—то пасмурнѣй, темнѣй
И солнышко все ниже, ниже...
И только то бодритъ дѣтей,
Что съ каждымъ днемъ все къ елкѣ
ближе.

И вотъ, усѣвшись на диванъ,
Мечтаютъ дѣти втихомолку
О томъ, какъ папа и Иванъ
Внесутъ вдругъ свѣженькую елку
И какъ ихъ въ дѣтскую запрутъ,
Какъ мама елкою займется
И какъ потомъ ихъ позовутъ...
И сердце ихъ отъ счастья бьется.

Кузнечикъ.

СОСѢДКА.

Мнѣ было десять лѣтъ и я былъ большой лѣнтяй. Это говорилъ мнѣ всякій, начиная съ моей тетки Глафиры Егоровны, и кончая моимъ двоюроднымъ братомъ Семеномъ, котораго почему-то всѣ считали моимъ опекуномъ.

Но какъ было усадить себя за работу, когда на дворѣ свѣтило солнце и распѣвали птицы, рыбы плескались въ рѣкѣ и деревья гнулись подъ тяжестью своихъ плодовъ? Конечно, я предпочиталъ бѣгать по волѣ и, несмотря на свои десять лѣтъ, даже и не думалъ объ ученѣ. Я былъ круглый сирота, двоюродный братъ рѣдко обращалъ на меня вниманіе, а тетка Глафира, у которой я жилъ, только ужасалась на мое невѣжество, но ровно ничего не дѣлала, чтобы приспособить меня къ ученю. Говорили, что она была довольно богатой, да и я самъ былъ того-же мнѣнія, потому что ни разу въ жизни не видалъ, чтобы она чѣмъ-нибудь была занята.

— Ахъ, Петръ, ты ничего не дѣлаешь! говорила она. — Ты совсѣмъ лѣнтяй!

Но я глядѣлъ на нее и она тоже казалась мнѣ лѣнтяйкой, но такъ въ ней было все сурово и размѣренно, съ такимъ достоинствомъ она себя держала, что я порядкомъ побаивался ея, но въ то же время, глядя на нее, ничего не дѣлалъ и самъ.

У меня не было примѣра.

Рядомъ съ домомъ моей тетки находился садъ, огороженный низенькой каменной стѣной, черезъ которую видно было все поле со струившейся черезъ него рѣкой. На горизонтѣ виднѣлись горы, до половины покрытыя садами и виноградниками, а затѣмъ заходившія за облака. Съ другой стороны этого сада тянулась высокая живая изгородь изъ боярышника, изъ-за которой выглядывалъ домъ съ постоянно заколоченными ставнями, весь заросшій деревьями. Всѣ дорожки вокругъ него поросли травой и на клумбахъ выросъ бурьянъ выше моего роста.

Этотъ домъ всегда представлялъ для меня нѣчто таинственное, онъ меня и привлекалъ къ себѣ, и въ то же время наводилъ на меня страхъ. Иногда слышалась изъ него возня мышей и это было единственнымъ звукомъ, который изъ него исходилъ.

Однажды утромъ я собиралъ по приказанію тетки щавель для борща, когда въ этомъ домѣ вдругъ отворилась дверь. Изъ нея вышелъ человѣкъ съ косою въ рукахъ и сталъ очищать садъ отъ сорныхъ травъ. Онъ работалъ затѣмъ въ немъ цѣлую недѣлю, расчищая дорожки, сажая цвѣты и обкапывая клумбы. Въ то же время во всемъ домѣ были открыты окна и я видѣлъ, какъ по

комнатамъ ходила женщина, стирала со всего пыль и выколачивала матрацы и мебель.

Послѣ этого прошло недѣли двѣ или три и передъ калиткой этого дома остановилась вдругъ большая фура, въ какой обыкновенно перевозятъ мебель. Изъ нея выносили роскошную мебель, далеко не похожую на ту, которая находилась въ домѣ. Между другими вещами я увидалъ и кровать для куклы, которая привела въ восторгъ нашихъ деревенскихъ дѣвчонокъ, выбѣжавшихъ поглядѣть фуру такъ-же, какъ и я. Вообще прибытіе этой фуры произвело въ нашей деревнѣ цѣлый переполохъ.

На слѣдующее утро одинъ изъ моихъ товарищей, отецъ котораго служилъ на станціи желѣзной дороги, сообщилъ мнѣ, что истекшей ночью пріѣхали какой-то господинъ съ дѣвочкой. Это и были новые жильцы нашего сосѣдняго дома.

Вполнѣ понятное любопытство овладѣло мной и я сталъ взлѣзать на заборъ, чтобы заглянуть въ сосѣдній садъ. И въ тотъ самый моментъ, когда моя голова показалась надъ заборомъ, изъ-за него, съ той стороны, высунулась другая головка. Это была дѣвочка. Я сконфузился и не зналъ, что мнѣ дѣлать: слѣзть внизъ, или продолжать лѣзть наверхъ. Дѣвочка начала смѣяться.

Раздвинувъ вѣтви, она смотрѣла мнѣ прямо въ глаза. Я былъ простой крестьянинъ, а она казалась аристократкой и это приводило меня въ

смущеніе; я не зналъ, какъ поступить.

— Какъ тебя зовутъ? вдругъ спросила она меня.

— Петрушей, отвѣтилъ я.

— Ты живешь тамъ?

— Да.

— Чѣмъ занимается твой отецъ?

— У меня нѣтъ отца.

— А мать?

— У меня нѣтъ и матери, — я сирота.

— У меня тоже нѣтъ матери, но папа меня любитъ такъ, точно онъ мама. Съ кѣмъ же ты живешь?

— Съ тетей Глафирой Егоровной.

— Иди ко мнѣ играть!

Я не заставилъ долго просить себя и приготовился спускаться внизъ, но она потянула меня за руки.

— Прыгай сразу! Не бойся! сказала она.

Я прыгнулъ, но такъ неудачно, что о кустъ барбариса разорвалъ себѣ чулокъ, и всѣмъ тѣломъ новалился на клумбу герани.

Дѣвочка вскрикнула, испугалась, соскочила со скамьи, на которой стояла, и бросилась ко мнѣ, чтобы помочь мнѣ встать.

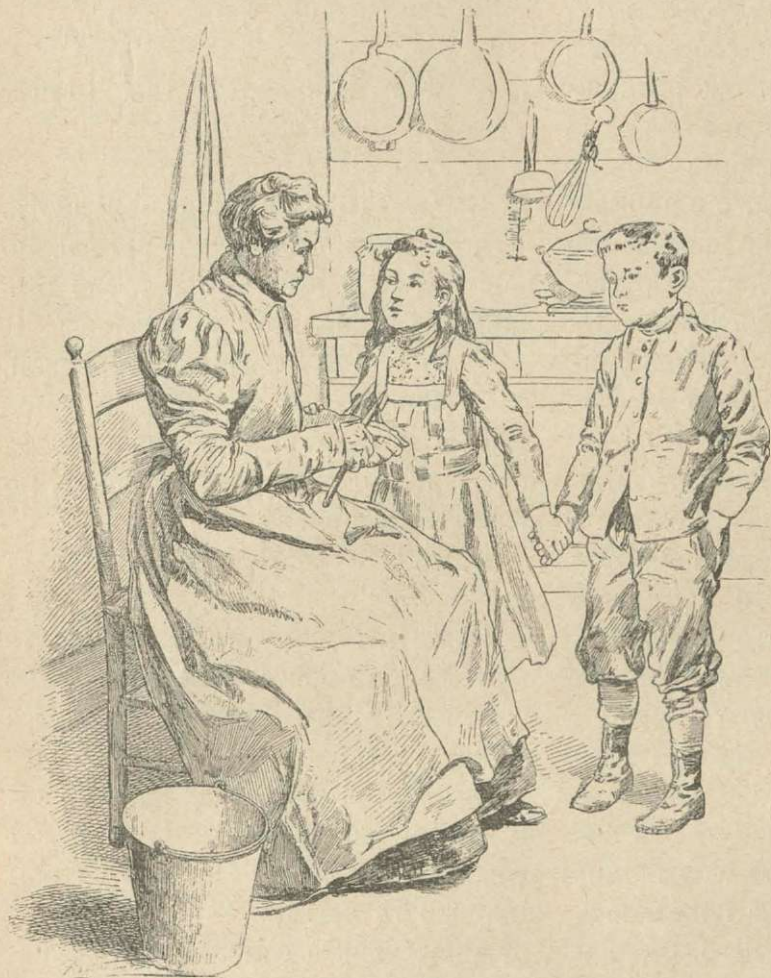
— Ты ушибъ себѣ колѣнку, сказала она, — у тебя разорванъ чулокъ? Пойдемъ скорѣе въ домъ, я промою тебѣ ссадину, а няня заштопаетъ чулокъ!

Я послѣдовалъ за нею и наконецъ очутился въ домѣ, который уже столько лѣтъ меня интересовалъ.

Она провела меня въ небольшую комнатку, гдѣ сидѣла ея няня.

— Няня, обратилась она къ ней.— чинить ему чулокъ, чтобы дома его
Вотъ этотъ мальчикъ упалъ и ушибъ не ругали. Онъ и безъ того рас-
себъ колѣнку. Почини ему чулокъ! шибся!

Старушка посмотрѣла на меня, по- Она подошла къ умывальнику, по-
томъ на мой чулокъ. мочила въ немъ носовой платокъ и

отерла имъ мою ко-
лѣнку. Няня молча
взяла иголку и не-
хотя стала починять
мнѣ чулокъ.

— Пойдемъ, маль-
чикъ, играть! обра-
тилась ко мнѣ дѣ-
вочка, когда чулокъ
былъ зашитъ.

Мы пошли въ садъ,
который оказался го-
раздо больше, чѣмъ
нашъ, и она показала
мнѣ цвѣты. Затѣмъ
мы долго бѣгали вмѣ-
стѣ и наконецъ ей за-
хотѣлось пробѣжать-
ся по берегу рѣки, ко-
торый былъ ей виденъ
изъ окна.

По дорогѣ узналъ,
что ее зовутъ Ниной,
что она пріѣхала къ
намъ изъ Москвы,
гдѣ у нихъ былъ
большой домъ, что

— Но вѣдь не могу же я чинить чулки для всей деревни, сказала няня.

— Но вѣдь не могу же я чинить отецъ ея боленъ чахоткой и пріѣхалъ
чулки для всей деревни, сказала она.— къ намъ лечиться нашимъ климатомъ,
Мало-ли здѣсь мальчишекъ, у кото- и что здѣсь у нея нѣтъ ни одной
рыхъ рваные чулки! души знакомой.

Дѣвочка нахмурилась.

— Но онъ упалъ изъ-за меня, ска- Къ полудню мы уже были близ-
зала она, а потому ты должна по- кими друзьями и я сталъ ходить къ
ней каждый день, но уже не черезъ

заборъ, а черезъ калитку. Это было удобнѣе и честнѣе.

Скоро между моей сосѣдкой и мной установились какія-то особыя отношенія. Я относился къ ней вполнѣ по-товарищески, но въ то-же время съ какимъ-то непонятнымъ для меня почтениемъ, точно передъ большой; а она держала себя со мной, какъ сестра, но въ то-же время была моей гувернанткой.—«Не надо сморкаться такъ громко», одергивала она меня.—«Это не прилично!» или:—«Воспитанные мальчики не опускаютъ голову внизъ, когда съ ними разговариваютъ!»

Это заставляло меня краснѣть, но я не возражалъ. Въ ея тонѣ было что-то такое повелительное, чего я не осмѣлился-бы не исполнить.

— Какой ты неуклюжій!.. часто говорила она мнѣ и при этомъ озабоченно оглядывала меня со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, я умѣю лазать по деревьямъ, отвѣчалъ я,—и умѣю разорять птичьи гнѣзда.

Она закидывала голову назадъ и весело смѣялась.

— Какой ты глупый!.. воскликнула она.—Развѣ манеры въ этомъ состоятъ?

Одинъ разъ она сдѣлала озабоченное лицо и спросила меня очень серьезно:—

— Ты еще не ходишь въ школу?

— Нѣтъ, отвѣтилъ я и покраснѣлъ.

— Это не хорошо... И тебя не ругаютъ дома?

— Иногда ругаютъ.

— Почему-же ты не учишься? Какъ нехорошо быть лѣнтяемъ!

Я не зналъ, что мнѣ отвѣтить.

— Но вѣдь ты тоже не ходишь въ школу! сказалъ я.

— За то папа каждое утро даетъ мнѣ уроки, отвѣтила она,—и я не могу весело играть, если онъ останется мною недоволенъ.

И дѣйствительно, нѣсколько разъ, по утрамъ, я видѣлъ черезъ окно,

И пока шель дождь и дуль вѣтеръ, мы, сидя рядышкомъ, мирно смотрѣли въ журналѣ картинки.

какъ она усидчиво что-нибудь писала и какъ около нея сидѣлъ ея отецъ и чему-то ее училъ.

— Надо трудиться, Петруша, какъ-то сказала она мнѣ, вѣроятно, тѣмъ-же самымъ тономъ, какимъ ей гово-

рилъ это самой отецъ.—Безъ труда ты не достигнешь ничего. Не побывавъ въ школѣ, впоследствии нельзя быть ни инженеромъ, ни докторомъ, ни учителемъ. Неученыхъ всѣ стороны.

— Да тебѣ-то что за дѣло? огрызнулся я.—Твои нравоученія мнѣ начинаютъ надоѣдать. Пойдемъ лучше со мной ловить рыбу!

— Нѣтъ, отвѣтила она съ тономъ рѣшительности въ голосѣ.—Я не люблю лѣнтяевъ!

И она повернулась ко мнѣ спиной и ушла.

Я въ удивленіи остановился посреди пути. Пришлось идти на рыбную ловлю одному. Но потому-ли, что я былъ разстроенъ, или потому, что я былъ одинъ и скучалъ, рыба не клюнула у меня ни разу. Просидѣвъ до самаго вечера, я отправился наконецъ домой. Придя къ себѣ, я почему-то забрался въ курятникъ, повалился около корытца съ водой и гусиного гнѣзда и проплакалъ здѣсь вплоть до самой ночи.

На слѣдующее утро я рѣшилъ все не знаться съ Ниной.

«Пусть она читаетъ свои нотации кому-нибудь другому, а не мнѣ», подумалъ я и, заложивъ руки въ карманы, отправился гулять одинъ.

Стояла отличная погода и кругомъ пахло свѣжимъ сѣномъ. По каменистой дорогѣ я отправился въ горы, сбрасывалъ тамъ ногами камни внизъ, гонялся за ящерицами, давилъ отъ нечего дѣлать жуковъ, а затѣмъ по-

шелъ въ лѣсъ. Здѣсь я собиралъ ягоды, плелъ изъ вѣтокъ корзиночки, а потомъ сѣлъ на траву и сталъ ничего не дѣлать. Кругомъ стояла тишина и только слышно было, какъ жужжали насѣкомья да щебетали птицы. И вдругъ въ ухахъ у меня неотступно зазвучалъ голосъ Нины:

— Лѣнтяй! Лѣнтяй!

Я оглядѣлся по сторонамъ, но никого вокругъ меня не было. Тогда я понялъ, что это заговорила во мнѣ совѣсть.

Разстроенный, почти злой, я возвратился къ себѣ назадъ.

По дорогѣ нужно было проходить мимо дома Нины. Она стояла у калитки и разговаривала съ нищей. Увидѣвъ меня, она весело поглядѣла на меня и спросила:

— Ты гдѣ былъ?

Мнѣ захотѣлось вдругъ сказать ей неприятное.

— Ужъ, конечно, не въ школѣ! съ задоромъ отвѣтилъ я ей.

— Какой ты дуракъ!.. просто сказала она и, опустивъ глаза, вошла къ себѣ въ садъ.

Я печально побрелъ къ себѣ домой.

На слѣдующій день я сидѣлъ у себя въ саду и копалъ ямки на дорожкѣ, когда услышалъ вдругъ, что что-то легкое ударило меня по головѣ. Это были цвѣты. Я поднялъ голову и увидалъ на заборѣ Нину.

— Ты сердисься? сказала она.— Фу, какой нехорошій мальчикъ! Сейчас-же иди играть ко мнѣ!

Я хотѣлъ-было отказаться, но вечерняя моя скука пришла мнѣ на умъ и я отворилъ калитку и вошелъ къ сосѣдкѣ въ садъ.

Она соскочила со стѣны и подбѣжала ко мнѣ.

— Ты больше не сердись? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я.

— Тогда пойдемъ со мною, на дворѣ такъ жарко!

Заходила туча и было дѣйствительно жарко. Мы сѣли на траву подъ дерево и долго молчали.

— Что ты дѣлалъ сегодня? спросила она меня наконецъ.

— Гулялъ въ лѣсу.

— А я училась... Папа сказалъ, что я знала сегодня урокъ хорошо.

И опять совѣсть зашептала мнѣ прямо въ самыя уши: «Лѣнтяй! Лѣнтяй!»

Я вздохнулъ и опустилъ глаза.

— Ты чего вздыхаешь? спросила меня Нина.

— Такъ... отвѣтилъ я ей.

Въ это время вѣтеръ пронесся по всему саду и капли дождя одна за другой полились на землю.

— Пошелъ дождь... сказала Нина.—Пойдемъ въ домъ!

Я вошелъ вмѣстѣ съ нею въ домъ. Первая комната, въ которую мы вошли, была обставлена кожаной мебелью, по стѣнамъ тянулись полки съ книгами и стояло много статуэтокъ. Вѣроятно это былъ кабинетъ отца Нины.

— Давай смотришь картинки! обратилась ко мнѣ Нина.

И она достала съ полки книги въ такихъ изящныхъ переплетахъ, что мнѣ страшно было до нихъ дотронуться.

— А твой папа меня не прогонитъ? спросилъ я, робко оглядываясь по сторонамъ.

Этотъ мой отвѣтъ показался ей настолько страннымъ, что она посмотрѣла на меня во всѣ глаза.

И пока шелъ дождь и дулъ вѣтеръ въ вѣтвяхъ деревьевъ, мы забрались въ широкое кожаное кресло и, сидя рядышкомъ, мирно смотрѣли въ журналъ картинки.

И мнѣ было стыдно, что я не умѣлъ прочитать подъ ними подписи.

А когда мы насмотрѣлись картинокъ, Нина подсѣла къ столику, стоявшему у окна, и сказала:—

— Хочешь посмотреть, какъ я пишу?

И она показала мнѣ свои тетрадки, въ которыхъ все было чисто и изящно и всѣ буквы имѣли одинаковый наклонъ. Мнѣ стало завидно и я покраснѣлъ.

— Ты, кажется, недоволенъ? спросила она меня.

— Нѣтъ, ничего... отвѣтилъ я.— Ты хорошо пишешь. Мнѣ такъ не написать.

Она откинула головку назадъ и весело засмѣялась.

— Написать... сказала она.— Ха-ха-ха!.. Куда тебѣ, вѣдь ты вовсе неграмотный!

Я хотѣлъ обидѣться, но въ это время въ корридорѣ раздались чьи-то шаги и въ испугѣ я вскочилъ.

— Что скажетъ твой папа, сказалъ я,—если увидитъ меня здѣсь?

— Ничего! весело отвѣтила она.— Какой ты смѣшной! Развѣ ты его боишься?

— Онъ можетъ меня выпнать!

— Почему?

— Потому что онъ баринъ, а я... я мужикъ.

Она залилась смѣхомъ. Мои слова показались ей забавными.

— Ха-ха-ха... Мужикъ!.. Мужикъ!.. повторяла она.— Ахъ, какъ это смѣшно! Мужикъ! Мужики бываютъ только большіе!

Стало темнѣть, дождь пошелъ еще сильнѣе и я возвратился къ себѣ домой.

Дома я повалился къ себѣ на постель, зарылъ лицо въ подушкѣ и долго плакалъ.

— Нѣтъ! рѣшилъ я наконецъ.— Я ни за что на свѣтѣ не останусь мужикомъ! Я поступлю въ школу, я буду учиться и буду такимъ-же умнымъ и ученымъ, какъ ея отецъ! Но только какъ мнѣ догнать своихъ сверстниковъ? Кто поможетъ мнѣ выучить [все то, что они уже прошли?

На слѣдующее утро Нина опять поджидала меня у калитки. Когда я подошелъ къ ней, она съ таинственнымъ видомъ взяла меня за руку.

— Иди скорѣй, сказала она,—папа желаетъ тебя видѣть.

Она ввела меня къ своему отцу въ кабинетъ.

Онъ сидѣлъ у себя за письменнымъ столомъ и голова его низко склонилась надъ бумагами. Онъ что-то внимательно читалъ. Я и раньше встрѣчалъ его, когда онъ гулялъ вдоль улицы нашей деревни, и всегда лицо его было очень печально. Теперь-же, когда мы подошли къ нему и онъ поднялъ на насъ глаза, лицо его освѣтилось улыбкой.

— Такъ вотъ онъ твой пріятель! весело воскликнулъ онъ.— Подоидика сюда, сорванецъ, я погляжу на твою рожицу!

Онъ взялъ меня двумя пальцами за подбородокъ и добродушно оглядѣлъ меня со всѣхъ сторонъ.

— Что, папа, обратилась къ нему Нина.— Онъ тебѣ нравится?

— Да, ничего себѣ, отвѣтилъ ей отецъ, поправивъ на ней волоса.— Хорошій мальчикъ!

Онъ посмотрѣлъ на меня такими ласковыми, почти нѣжными глазами, что я чуть не заплакалъ отъ удовольствія. Никогда еще никто не смотрѣлъ на меня такъ хорошо.

— Говорятъ, что ты большой лѣнтяй? обратился онъ ко мнѣ.— Правда это?

Я не осмѣлился поднять на него глазъ. Онъ обѣими руками взялъ меня за щеки и поднялъ мою голову кверху.

— Ну, такъ слушай, мальчикъ, что я тебѣ скажу, обратился онъ ко мнѣ.— Ты обязательно долженъ

ходить въ школу. Понимаешь? Съ завтрашняго-же дня! На обратномъ пути ты всякій разъ будешь заходить ко мнѣ и я буду проходить съ тобою всѣ твои уроки. Ты кажешься мнѣ способнымъ и мы скоро наверстаемъ съ тобой потерянное время. Но только ты долженъ дѣлать это охотно. Если я замѣчу, что ты дѣлаешь это противъ воли, то тогда — прощай! Я уже не позволю Нинѣ вести съ тобою знакомство.

Я обрадовался его предложению, обѣщаль, и мы оба съ Ниной, какъ птички, вылетѣли въ садъ.

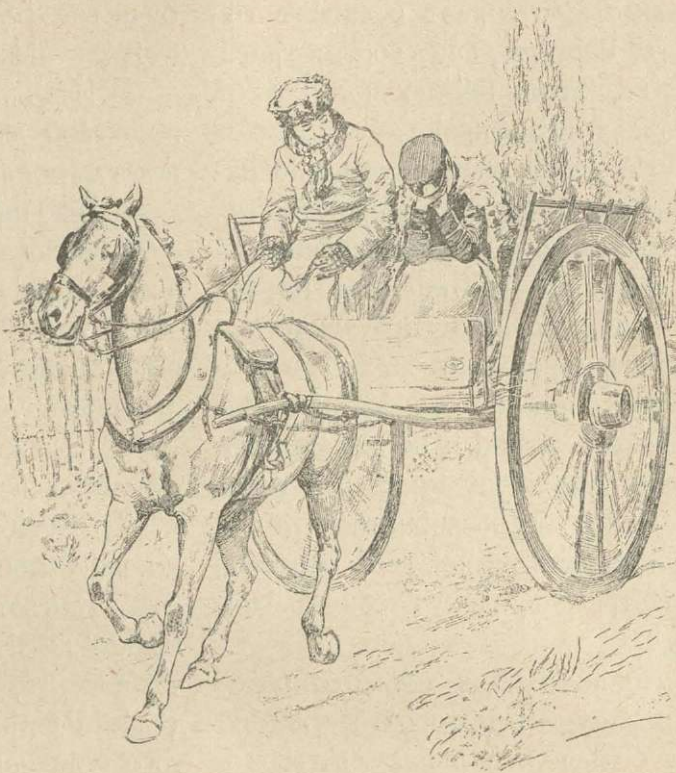
На слѣдующее утро я пошелъ въ школу. Я не понималъ тамъ ровно ничего, надо мной смѣялись мои товарищи, учитель не хотѣлъ меня учить, но я не унывалъ и каждый день, идя изъ школы мимо моей сосѣдки, заходилъ къ ея отцу и подъ его руководствомъ проходилъ все то, чего не зналъ.

Такъ продолжалось мѣсяца четыре.

Все время проводя около Нины и ея отца, я мало-по-малу сталъ отвыкать отъ своихъ деревенскихъ привычекъ, мои манеры потеряли свою рѣзкость и когда, полгода спустя, я шелъ рядомъ съ Ниной и съ ея от-

цомъ, то никто не назвалъ-бы меня уличнымъ мальчишкой и всякій подумалъ-бы, что я братъ Нины и сынъ ея отца. Впрочемъ, и они относились ко мнѣ, какъ къ родному.

Въ началѣ Октября умерла моя тетка Глафира Егоровна. Это сразу же измѣнило всю мою жизнь. Теперь

Я кладу голову на ладони, а локтями упираюсь себѣ въ колѣнки и начинаю рыдать, рыдать безъ конца.

всѣ права на меня перешли къ моему двоюродному брату Семену.

Семень былъ человѣкомъ уже пожилыхъ лѣтъ, самъ пахалъ землю и ковырялся у себя въ виноградникѣ, самъ возилъ въ поле навозъ. У него было два сына, которыхъ онъ отвезъ въ губернский городъ и отдалъ тамъ учиться въ гимназію, такъ какъ не

желалъ, чтобы его дѣтямъ жилось хуже, чѣмъ ему самому.

Когда я переѣхалъ къ нему послѣ смерти тетки Глафиры, то онъ вынулъ трубку изо рта и строго посмотрѣлъ на меня.

— Ты еще долго будешь бездѣлничать? спросилъ онъ меня.—Подумалъ-ли ты хоть разъ о своемъ будущемъ? Растешь, какъ сорная трава. Я, братъ, этого не люблю. Я тебѣ не тетенька Глафира!

Я уже давно опередилъ въ познаніяхъ всѣхъ своихъ сверстниковъ, считался самымъ лучшимъ ученикомъ въ классѣ, но еще ни разу не задумывался надъ своимъ будущимъ.

— Завтра-же я отвезу тебя въ городъ! продолжалъ Семень.—Чего даромъ терять время! Я не желаю, чтобы меня упрекали послѣ въ томъ, что я не хотѣлъ позаботиться о тебѣ. Собери сегодня-же всѣ твои пожитки и я завтра-же отвезу тебя въ гимназію.

Въ гимназію! Для меня это означало ссылку, въ которой я уже не увижу больше этихъ нашихъ лѣсовъ, горъ, этой нашей рѣки съ ея свѣтлыми струями. вмѣсто ласковаго, нѣжнаго отношенія ко мнѣ отца Нины я увижу тамъ строгихъ, равнодушныхъ учителей, которые будутъ ставить мнѣ единицы. И я закрылъ лицо руками и бросился изъ дома вонъ. Не помню, какъ пробѣжалъ я черезъ всю деревню и какъ очутился вдругъ у дома моей сосѣдки. Нина сидѣла со своимъ отцомъ у самовара, что-то ѣла, а ея

отецъ ей что-то рассказывалъ и что-то чертилъ карандашомъ по бумагѣ. Когда я вбѣжалъ къ нимъ въ столовую, они такъ удивились моему появленію, что оба поднялись со своихъ мѣсть.

— Что съ тобой, Петруша? спросила меня Нина.—За тобой кто-нибудь гнался?

Я еле переводилъ духъ.

— Нѣтъ... отвѣтилъ я, глотая слезы.—Мой двоюродный братъ завтра везетъ меня отдавать въ гимназію!

— Въ гимназію? Неужели?

Я рассказалъ имъ все, что сообщилъ мнѣ мой двоюродный братъ.

— Это хорошо!.. сказалъ папа Нины.—Теперь, значитъ, ты будешь настоящимъ человѣкомъ.

— А развѣ теперь я не человѣкъ? съ удивленіемъ спросилъ я его.

Онъ улыбнулся и провелъ рукою по моимъ волосамъ.

— Какъ ты наивенъ! сказалъ онъ.— Всякое знаніе дѣлаетъ человѣка болѣе человѣкомъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Развѣ ты похожъ теперь на того уличнаго мальчишку, какимъ былъ полгода тому назадъ?

Я и самъ сознавалъ это, но мнѣ не хотѣлось разставаться съ Ниной и ея отцомъ, слезы душили меня и я выбѣжалъ въ садъ и сталъ тамъ горько плакать.

На слѣдующій день, рано утромъ, меня уже разбудилъ Семень. У крыльца уже стояла его лошадь, запряженная имъ въ одноколку. Я выпилъ

молока, поѣлъ, онъ приказалъ мнѣ сѣсть въ эту одноколку, усѣлся рядомъ со мною и мы отправились въ путь. Утро было свѣжее, морозное и всю дорогу я дрожалъ. На станціи Семень купилъ билетъ 3-го класса, сунулъ мнѣ его въ руку, передалъ меня оберъ-кондуктору, простился со мной и уѣхалъ къ себѣ обратно. Пришелъ поѣздъ, оберъ-кондукторъ усадилъ меня въ вагонъ, раздался свистокъ—и вотъ я въ городѣ. Сыновья Семена встрѣчаютъ меня на вокзалѣ и ведутъ меня прямо къ директору въ гимназію. Оба они гимназисты и имъ хочется оказать мнѣ свое покровительство. Мрачныя стѣны гимназіи, спертый душный воздухъ, рѣзкій голосъ директора и строгое отношеніе учителей какъ-то сразу произвели на меня неприятное впечатлѣніе. Но прошла недѣля-другая и я скоро освоился со своей новой жизнью и даже сталъ радоваться тому, что имѣлъ право носить мундирчикъ съ ясными пуговицами и съ галуномъ и что могъ надѣвать на себя фуражку съ кантами и гербомъ. Товарищи меня скоро полюбили и скоро я сталъ однимъ изъ первыхъ учениковъ. Но одно только меня огорчало—это то, что я пересталъ видѣть тѣхъ, кого больше всего любилъ, т. е.—Нину и ея отца. Я думалъ о нихъ, когда вставалъ по утрамъ и отправлялся въ классъ, думалъ о нихъ во время уроковъ и часто видѣлъ ихъ во снѣ. Я два раза имъ писалъ, но не получилъ

отъ нихъ никакого отвѣта; это безпокоило меня, и я только тѣмъ и жилъ, что считалъ по пальцамъ дни, которые оставались еще до Рождества, когда я снова ихъ увижу.

Но вотъ и Рождество. Съ радостнымъ нетерпѣніемъ я ожидаю того часа, когда можно будетъ поѣхать на вокзалъ. Входитъ инспекторъ, даетъ мнѣ отпускной билетъ, вручаетъ мнѣ мои отбѣтки и я везу ихъ къ себѣ въ деревню къ Семену. Я первый ученикъ. Теперь Семень будетъ мной доволенъ и теперь Нина уже не скажетъ мнѣ, что я лѣнтяй.

Мимо оконъ вагона мелькаютъ телеграфные столбы, тянутся виноградники и лѣса. Я смотрю на нихъ и мнѣ кажется, что дорога не кончится никогда. Но вотъ и станція. Я выхожу изъ поѣзда и ищу глазами Семена. Его высокая фигура виднѣется вдали. Я бѣгу къ нему и прежде всего задаю ему вопросъ:

— Ну, что Нина? Какъ ея отецъ?

Двоюродный братъ отираетъ рукавомъ губы, цѣлуетъ меня и равнодушно говоритъ:

— Да ихъ уже нѣтъ у насъ съ Ноября!

Я чувствую, какъ замираетъ у меня сердце.

— А гдѣ-же они? спрашиваю я.

— Въ ноябрѣ умеръ ея отецъ, за его дѣвочкой пріѣзжала какая-то дама и увезла ее неизвѣстно куда...

Это поражаетъ меня, какъ громомъ.

Семень усаживаетъ меня все въ ту-же одноколку, чмокаетъ губами и лошадь мчитъ насъ домой.

Всю дорогу мы молчимъ. Я думаю о Нинѣ, стараюсь объяснить себѣ, гдѣ она, но всѣ мои догадки не веселятъ меня и жизнь впереди кажется для меня уже не такой интересной.

— Да ты небось скверно учился? нарушаетъ молчаніе Семень. — Боишься поглядѣть мнѣ въ глаза?

— Нѣтъ... я первый ученикъ... едва я имѣю силъ отвѣтить.

Семень весело хлопываетъ меня по плечу, а я кладу голову на ладони, а локтями упираюсь себѣ въ колѣнки и начинаю рыдать безъ конца...

Вотъ и наша деревня. Я бѣгу къ знакомому дому и съ нѣжностью начинаю на него смотрѣть. Но окна въ немъ уже заколочены, сквозь потерявшія листву деревья его черепичная крыша кажется еще краснѣе и въ когда-то пышномъ саду теперь такъ пусто и уныло, точно никогда уже не будетъ весны.

Я вхожу въ садъ. Вотъ то мѣсто, гдѣ я когда-то упалъ съ забора и расшибъ себѣ колѣнку и разорвалъ

чулокъ; вотъ та скамейка, на которой мы вмѣстѣ учили наши уроки, а вотъ и то окно, гдѣ всегда виднѣлась голова моего дорогого, незабвеннаго второго отца.

И такъ кругомъ все пусто-пусто и такъ одиноко-одиноко на душѣ!

Теперь я уже большой. Я кончилъ курсъ въ университетѣ и преподаю въ гимназій исторію и русскій языкъ. Этимъ я обязанъ моей сосѣдкѣ и ея милому отцу. Я часто ихъ вспоминаю и часто рассказываю о нихъ своимъ дѣтямъ. Одинъ разъ я даже возилъ ихъ къ себѣ въ деревню, чтобы показать имъ тотъ домъ, въ которомъ я провелъ столько счастливыхъ часовъ, но его уже сломали и вмѣсто него выстроили какой-то магазинъ.

— А гдѣ-же Нина? спросили у меня дѣти, которымъ грустно было отъ того, что люди оскорбили эту мою святыню, ставшую святыней и для нихъ.

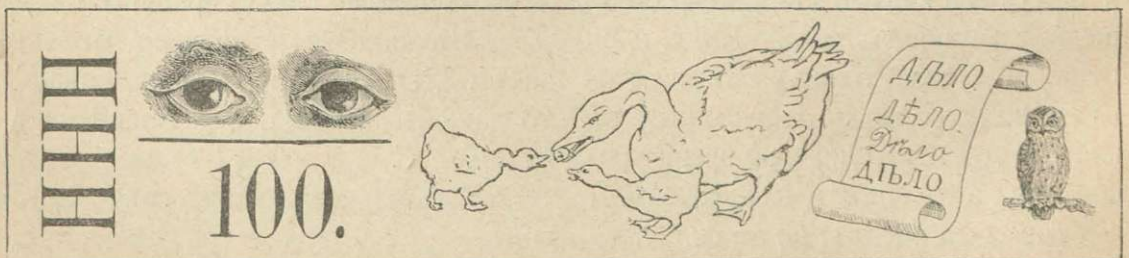
Но я искренно и правдиво имъ отвѣтилъ:

— Не знаю.

Мы вздохнули и поѣхали домой.

Ч.

РЕБУСЪ № 2.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЬ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепіано.
- 10) Каррикатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) **Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.**
- 13) **12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ.** Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **3 р. 80 к.**,
на полгода — **2 рубля.**

Подписка принимается: въ **Конторъ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3,** и въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостиный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.